

Другой метод — прямая ссылка в художественном произведении на опыт Державина. Так сделал Пушкин в «Езерском»:

Допросом Музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
— А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседей
И смерть Мещерского воспел;
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб, их обедов,
И похорон, сменивших пир.

Но это не только ссылка на авторитет Державина — здесь Пушкин отчетливо формулирует свое понимание природы художественного новаторства Державина: он открыл поэзию жизни действительной, стал изображать обыкновенное.

Величайшей заслугой Пушкина Гоголь считал высокое мастерство в изображении обыкновенного, подлинной жизни в ее истине. Причем подчеркивал: «...чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное, и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина».⁸

Это понимание художественного открытия Державина пришло не в «Езерском», а значительно раньше. Первая глава «Евгения Онегина» написана с учетом опыта Державина в изображении обыкновенного. Описание одного дня жизни Онегина с утра и до глубокой ночи непосредственно связано с первым в поэзии описанием одного дня жизни поэта в «Жизни Званской». В «Евгении Онегине» Пушкин подхватывал и продолжал традицию, в «Езерском» он обогащал ее, принципиально настаивая на преемственности. Это и был пересмотр наследия Державина, показ подлинного золота его поэзии, активно участвовавшей в создании новой литературы.

Не имею возможности подробнее остановиться в этой связи на «Езерском». Обращу лишь внимание, что ссылка на Державина носит принципиальный и развернутый характер — этому посвящено пять строф. Отстаивая право поэтов жизни действительной на изображение не «возвышенного предмета», а обыкновенного (не знатного героя, а «просто гражданина

⁸ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 54.